

ИСТОРИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Виктория Анатольевна ЛИПИНСКАЯ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и археологии РАН, г. Москва. В круг научных интересов входит изучение материальной и духовной культуры славянских народов, народное декоративное творчество, обрядовая и праздничная культура, народные верования, этнокультурная история старообрядцев.

Развитие русской традиционной культуры в Сибири и на Дальнем Востоке определяли два основных фактора: историко-экологический — освоение русским этносом природных зон Азиатского континента и историко-демографический, т. е. расселение русского этноса в среде местного коренного населения. В заселении нового для русских региона сочетались стратегические планы государства и чаяния вольнонародной колонизации, вследствие чего статус поселений, их размещение и быт весьма различались.

В настоящей статье мы попытаемся выявить отличия и своеобразия в культуре русских, накопившиеся к началу XX в. в экологических зонах Зауралья. Впервые предпринимается попытка сравнительного рассмотрения в этот период особенностей быта сибиряков на всем освоенном ими пространстве региона.

Выполнение поставленной задачи затрудняется слабой и крайне неравномерной изученностью русского этноса, расселившегося за пределами европейской части страны. Сведения о быте русского населения в Сибири начали накапливаться с XVIII в. Их составляли участники академических экспедиций, а позднее (во второй половине XVIII — первой половине XIX в.) местные чиновники и общественные деятели. Более систематичные материалы появились лишь с началом организации периодической печати: «Записок» и «Известий» Русского географического общества, журнала «Живая старина», «Сибирская живая старина» и др. Однако члены Географического общества основное внимание уделяли изучению местных народов. Только с конца XIX — начала XX в. они включили в круг своих интересов также и русское население. Это было связано с общим подъемом экономики региона на основе развитого русскими полеводческого хозяйства, с постройкой Сибирской железной дороги и активизацией переселенческого движения. Хотя сведения о культуре и быте сибиряков попадали в печать эпизодически и обычно в общем описании местности, тем не менее накопились данные как о центральных, так и отдаленных малоизвестных ранее уголках Сибири.

В западной части региона исследователи посетили Березовский и Ялуторовский округа Тобольской губернии, Барабу Томской губернии. Особое

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литература славянских народов в мировом социокультурном контексте».

внимание привлекал Алтайский округ, где сложился наиболее пестрый этнографический состав населения с различными сословными, социальными и профессиональными группами. В Восточной Сибири обследовались такие отдаленные участки, как Камчатка и Туруханский край, Крайний Северо-Восток, Амурская область и пограничье с Монголией, а также средние течения Ангары, Лены, Енисея. В центре внимания исследователей находилось Забайкалье, где, как и на Алтае, соседствовали выходцы из многих губерний.

XX век выдвинул задачу комплексного изучения культуры. Исследования расширялись по охвату территории и углублялись по своей целенаправленности. В конце 1920-х годов традиции народного быта обследовались у двух наиболее изолированных групп русских старожилов: на юге Западной Сибири в долине р. Бухтармы (бухтарминские старообрядцы) и на севере Восточной Сибири в устье р. Индигирки (русскоустинцы). Специальное изучение народной культуры сибиряков было начато с 1950-х годов и проводилось этнографами, историками, архитекторами, искусствоведами. Ученых в первую очередь интересовала земледельческая полоса, в которой была сосредоточена основная масса русского населения.

Наиболее разносторонний подход к изучению бытовой культуры русских сибиряков, направленный на выяснение народных традиций и процессов их развития, содержат работы этнографов. Ими же созданы специальные программы и методические пособия для сбора материалов о различных элементах народной культуры. Современные исследователи учли, изучили, обобщили наблюдения и выводы предшественников, дополнили их новыми изысканиями в архивных фондах и непосредственными полевыми наблюдениями. В Восточной Сибири этнографическое изучение русских сибиряков было начато с конца 1950-х годов в зоне, благоприятной для полеводства (Приангарье, Забайкалье).

Таким образом, в течение XX в., как и ранее, не создано условий для достаточно полных этнографических исследований русского населения сибирского региона, они оставались не только локальными, но и тематически ограниченными. Первостепенное внимание уделялось преимущественно хозяйственной деятельности, затем — материальной культуре; значительно слабее изучались семейный быт, духовная культура, фольклор, народное искусство, народная медицина и пр. По полученным данным тщательно проводился сравнительный анализ русских традиций по обе стороны Урала и неоднократно отмечалось единство путей их развития и сходство основных компонентов. По имеющимся материалам вполне отчетливо вырисовывается также местная специфика русской культуры, появившаяся в различных экологических нишах.

Историками доказана важная роль крестьянства в заселении Сибири. Обширные пространства региона привлекали русских свободными массивами неводеланных земель. Однако местные природные условия были весьма отличны от таковых в зоне основного расселения. По ландшафту сибирский регион разделяется на четыре зоны: Западносибирскую низменность, Среднесибирское плоскогорье, горы Южной Сибири и горные системы Северо-Востока Сибири. На этом пространстве расположены 4 пояса растительности: тундра, тайга, лесостепь и степь. Климат региона суров, вегетационный период короче, чем в европейской части страны. Зимой вся территория сильно охлаждена. В результате векового воздействия низких температур на значительной части пространства сформировалась так называемая вечная мерзлота. В Восточной Сибири почва сильнее промерзает на всем ее пространстве, лишь на небольшом участке южнее Ангары мерзлота вкраплена островками. Состояние почвы, открытые пространства, обводненность и заселенность наряду с рядом других причин определили размещение в Сибири русского населения, основной деятельностью которого традиционно являлось полеводство.

Западная Сибирь, первой встретившая русских, оказалась более удобной для заселения. В лесостепной и степной зонах создавалась самая высокая плотность населения. По этому показателю территория Зауралья четко разделяется на две зоны: благоприятную для земледелия и неблагоприятную. Первая охватывает большую часть Западносибирской низменности и затем вытянутым клином переходит в Восточную Сибирь, снова расширяясь на Дальнем Востоке. В благоприятной зоне русские составили большинство населения, соседствуя здесь с коренными жителями. В зоне неблагоприятной для земледелия поселения русских тянулись редкими цепочками или были вкраплены островками среди коренного населения.

При сравнительном изучении культуры русских сибиряков необходимо учитывать то, что за Урал переносился опыт народного быта, накопленный на основной этнической территории, с которой поддерживалась постоянная связь. Приток новоселов в осваиваемый регион обеспечивал бесперебойное поступление информации о новых достижениях в народной культуре. Первоначально (XVI—XVIII вв.) в Сибирь устремились выходцы из севернорусских губерний, а также из Центральной России, с конца XIX в. основными участниками переселенческого движения стали крестьяне из южной полосы России.

В сибирском регионе также шло продвижение русских на восток. Оно носило волнообразный характер с более или менее длительными остановками для освоения местности. При этом вторая волна мигрантов из европейской части страны постепенно настигала первую, и разрыв во времени поселения между старожилами и новоселами сокращался. Если в Западной Сибири он составлял до трех столетий, то на Дальнем Востоке уменьшался до нескольких лет.

Миграционные движения внутри сибирского региона обеспечивали перенесение на восток традиций как вынесенных из европейской части страны, так и сформировавшихся в Сибири. Это сохраняло общность народной культуры в ее основных показателях при одновременном развитии процессов адаптации, протекавших по нескольким направлениям; наибольшее значение имело приспособление к новой природной среде. Весьма непросто шла адаптация в этнической среде: внутри потока русских мигрантов скрещивались традиции больших и малых этнографических групп, вносящие свой вклад в развитие традиций; наконец, прибывавшие в Сибирь подвергались воздействию местных обычаев. Это создавало широкий спектр вариативности в каждом из элементов народной культуры, еще более возраставшей с развитием процессов адаптации к экологической среде.

В конкретных природных условиях и исторических ситуациях закреплялись наиболее благоприятные варианты, это со временем приводило к появлению устойчивых местных особенностей культуры, что свидетельствует о положительной динамике процесса адаптации, расширяющего вариативность отдельных параметров народной культуры в рамках единой традиции. Анализ накопленных к настоящему времени сведений о культуре русских сибиряков позволяет выделить в ней несколько комплексов, которые мы связываем в первую очередь с экологическими условиями региона. В настоящей статье они будут выделены по показателям хозяйственной деятельности и материальной культуры. Следует оговорить при этом, что в источниках не всегда удается отделить русских от других восточнославянских народов. Их общая численность в Сибири равнялась на начало XX в. 8,59 млн. чел. Сюда же включались и своеобразные группы, возникшие при смешении с коренными народами Сибири: *якутяне, амгинцы, колымчане, камчадалы* и др. Русские составили 77,56% всего населения, причем в Западной Сибири — 94%, в Енисейско-Ангарском крае — 90%, в Амурско-Приморском — 75%, по Лене — 70% (26. С. 48; 114—117).

ЗОНА, БЛАГОПРИЯТНАЯ ДЛЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Эта весьма обширная зона Западной Сибири занимает несколько природных поясов. Она более всего привлекала внимание исследователей. Для нее характерно успешное развитие русским населением традиционных направлений сельского хозяйства, на основе чего создавалась база для восстановления бытовой культуры. В этой зоне мы выделяем пять районов.

Тобольско-Иртышский район — первый земледельческий район Западной Сибири. В сельской местности преобладало старожильческое население. Рельеф слабо дренированный, что в северной части вызывает заболоченность, а в южной — засоленность почв. Суровые климатические условия сильно осложняли земледелие.

Исторические условия миграции русских обусловили переход в этот район жителей северных лесных и таежных районов европейской части страны, что облегчало адаптацию в Зауралье. Для полеводства первоначально выбирались естественные открытые участки — *елани*. Пашня расширялась за счет вырубания лесов. В течение XVIII — начала XIX в. островки русского земледелия слились в единый сплошной массив. Крестьяне в Сибири нашли способы шадящей эксплуатации земли. В первый год по поднятии подсеки землю не пахали, а только боронили, во второй год — вспахивали на 1,5 вершка, затем постепенно пахоту углубляли. Это позволяло сеять «хлеб по хлебу». Когда плодородие начинало ослабевать, пашню оставляли на отдых (до 20—30 лет) и разрабатывали новые участки — *заимки*.

Уже в середине XVIII в. район полностью обеспечивал население продуктами полеводства, в XIX и особенно в XX в. хлебная продукция реализовывалась внутри страны и шла на экспорт. Основными культурами являлись исстари и остаются до настоящего времени озимая пшеница и яровая рожь. В пределах района соотношение культур сменяется в пользу преобладания ржи на севере и пшеницы на юге. Традиционные культуры ячменя, овса, гречи, льна (15. С. 68—69).

Полеводство со времени расселения русских сочеталось со стойловым скотоводством, что традиционно для русского хозяйства. К началу XX в. при капитализации сельскохозяйственного производства выявилась преобладающая роль скотоводства молочного направления. Район стал крупнейшим в Сибири экспортером русского масла за границу. Сложившееся в начале XX в. направление хозяйства сохраняется до настоящего времени.

Населенные пункты располагались по берегам рек на возвышенных участках. Через развитие сети заимок разведывались пригодные для земледелия новые участки, что вызывало постепенное продвижение русского населения к югу. Приоритетное развитие животноводства отразилось в застройке усадьбы. Обилие леса позволяло возводить большие дома с многочисленными хозяйственными постройками, среди которых преобладали помещения для содержания скота и хранения сена.

Усадьба состояла из двух частей: *чистый двор (ограда)*, на котором стояли дом и подсобные помещения для хранения и обработки урожая, и *скотный двор (пригон)*, обстроенный помещениями для стойлового содержания скота. В пригоне выгораживали *денник* — место, где днем животные находились на открытом воздухе. С наружной стороны усадьба выглядела единой мощной срубной конструкцией, как бы небольшой крепостью (4. С. 91—102).

При наиболее развитой планировке так называемой *трехрядной связи* по одну сторону от дома был расположен чистый двор, по другую — срубный сарай в два яруса, а между ними — пригон. В северной части района, где скотоводство играло в хозяйстве относительно большую роль, дом и скотный двор стояли впритык друг к другу по принципу двухрядной связи и соединялись переходами. Иногда на втором этаже сарая встраивали допол-

нительные жилые помещения, связанные проходами с основным домом, как в северно-русском Поморье. Эта сложная конструкция дома-двора облегчала хозяевам уход за животными. В Сибири мощные хозяйственные постройки, стоявшие по обе стороны дома, кроме того, создавали надежное укрытие от ветра и непогоды. Дома лесной полосы строились на подклети, создававшей воздушную подушку, изолировавшую жилое помещение от холодной почвы. Двойные (*белый* и *черный*) полы, двойные потолки с земляной засыпкой, а также *глухое* в виде тамбура крыльцо укрывали жилье от холода (18. С. 170—202).

Внутренняя планировка и внутреннее убранство дома были северно-русского типа с печью в углу при входе (устьем к противоположной стене) и с массивным столом в переднем углу, расположенном по диагонали от печи. Полати, лавки и полки пристраивались вдоль стен, угол у входной стены против печи занимала деревянная кровать. Куть — место стяпухи — также обстраивалась деревянной мебелью: лавками и полками, столами-залавками для посуды, столами-клетями для содержания кур в зимнее время.

Одежда старожилого населения в лесной зоне Западной Сибири была северно-русского типа. В традиционном костюме женская одежда имела ярко выраженные комплексы, характерные для северно-русской и южнорусской групп населения европейской части страны. Северно-русский комплекс костюма составляли в основном длинная рубаха, сарафан и сложный головной убор. Сарафанный комплекс распространился по всему региону Сибири, однако, имея общее сходство по составу предметов, каждый из элементов варьировался по покрою, украшениям, колориту, при этом сохранялись формы, появлявшиеся в разные периоды времени.

В начале XX в. в селениях по Иртышу и Тоболу русские женщины носили сарафаны из скошенных полотнищ ткани (*косоклинные*) и прямых, собиравшихся в сборку (*круглые*). Первый покрой более древний, в XIX—XX вв. он бытовал в Среднем Предуралье. Второй с начала XX в. распространялся из Центральной России по всей стране и был завезен переселенцами в Сибирь. С сарафаном носили *рубаху с прямыми поликами, фартук-нарукавник* туникообразного покроя. Костюм подпоясывали узорчатыми ткаными поясами. Сложный головной убор состоял из мягкой шапочки *волосника* или *самшурры* и *кокошника* двурогой формы. Часть старообрядцев сохраняла древние формы набедренной одежды: *поневу* и *юбку-сукманку* (4. С. 134—135). Первая из них была присуща южному региону европейской части страны, вторая — северному. Обе были сшиты из шерстяной ткани, окрашены, орнаментированы.

Мужская одежда: *рубаха* и *порты* по покрою практически не имели отличий от тех, что носили в европейской части страны. Рубаха-косоворотка в начале XX в. была распространена повсеместно. В праздничном костюме местной модификацией покроя явилась *рубаха на кокетке* с присборенными боковыми полотнищами и рукавами, собранными в плечевых швах.

Обувь мужчины и женщины носили кожаную (телячью, баранью, сафьяновую и т. д.), короткие по щиколотку *коты* и *сапоги* домашнего пошива высотой до колен или несколько выше, а также привозные башмаки. Зимней обувью повсюду в Сибири служили *пимы* — сапоги, скатанные из овечьей шерсти.

Русское население предпочитало традиционные продукты: на столе всегда было обилие изделий из ржи и ячменя, в частности блюд, присущих северному региону (*толстые щи, шаньги, соломата, рыбный пирог* и др.). Повседневно готовились *блины* и *каши*, а также традиционное питье — *квас* и *пиво*.

Сравнительно с полеводством слабее и медленнее развивалось огородничество, что частично связывалось с широкими возможностями собирательства.

К концу XVIII в. обычный набор огородных культур уже был известен в 11 уездах Тобольского наместничества (репа, морковь, брюква, свекла, редька, капуста, горох, бобы, огурцы (РГИА. Ф. 398. Оп. 57. Д. 402. Л. 275—278). Из дикорастущих в постоянный обиход вошли местный лук различных видов, сарана, колба, дикая гречиха кипрей и пр. Дикие травы сушили или солили, их использовали в отварах как начинку к мучным блюдам или приправу к мясным. Продукты животного происхождения: рыба и мясо употреблялись в Сибири намного больше, чем в европейской части (9. С. 55—65). Этому благоприятствовало быстрое и успешное развитие животноводства, включение в рацион мяса зверей и *дичи*. Как местную специфику, распространившуюся по всей Сибири, можно отметить разнообразие способов заготовки мяса: замораживание, соление (*солонина*) и вяление. Был найден также способ изготовления и хранения *пельменей*. Их делали с начинкой из различного мяса, замораживали или сушили. Замораживали также и молоко, иногда с добавлением в него яиц или творога. Тем самым в зимнее время в Сибири создавали запасы высококалорийных продуктов.

С уверенностью можно говорить, что новые черты быта русских сибиряков, которые начали зарождаться в условиях северной и средней части Западносибирской низменности, переносились далее к югу и востоку и служили основой для формирования и там местной специфичности.

В Барабинско-Алтайский район русское население продвигалось с севера на более благоприятные для полеводства земли. В XVIII в. расселение шло в западной и южной частях района, в лесистых предгорьях Алтайско-Салаирской горной системы, затем в равнинных степях. Массовый приток населения начался со второй половины XIX в. Первые насельники были носителями севернорусских традиций, мигранты конца XIX и XX вв. — южнорусских. Среди переселенцев были представители разных национальностей, а более всего украинцев; частично они вошли в состав русского народа, оказав влияние на традиционную культуру.

Район занимает лесостепную и степную зоны. Русское полеводство развивалось на открытых ландшафтах лесостепи и степи. Крестьяне-полеводы различали до 20 видов местных почв. Пашни создавались путем поднятия целины. Благодаря благоприятным почвенно-климатическим условиям в этом районе сложилась наиболее плотная заселенность. К началу XX в. здесь широко была раскинута сеть крупных селений, окруженных заимками. Большинство заимок в течение XX в. также развилось в населенные пункты. Селения степной зоны были обширнее, чем в лесной, и гуще расположены, немалая их часть выдвинулась на водоразделы. Положение населенных пунктов — приречное и притрактовое, планировка преимущественно линейная, а крупных — квартальная. Степи Западной Сибири стали районом наиболее продуктивного полеводства. В отличие от лесной зоны в степях со второй половины XIX в. культивируется преимущественно пшеница. Район в начале XX в. стал важнейшим ее экспортером. Зерновое полеводство дополнялось стойловым и частично отгонным скотоводством. Его роль была значительнее на юге. В предгорьях Алтая в конце XIX в. одомашнивали местного марала.

Несмотря на более интенсивное, чем в лесной местности, сельскохозяйственное производство, обустроенность усадеб в степном районе была хуже из-за недостатка леса.

Старожильческое население строило дома в севернорусских традициях из хвойных пород деревьев. Переселенцы начала XX в. использовали для возведения срубов лес худшего качества или доревозамещающие материалы (глино-соломенные смеси, плетень с обмазкой). Постройки из мелкого и неровного леса обмазывали глиной и белили, что соответствует южнорусским

и украинским традициям. Дома в этом районе строили небольшие по размерам, наземные или на невысоком подклете.

Внутренняя планировка домов во второй половине XIX в. была разнообразна, но к началу XX в. преобладали северно- и западно-русские планы с печью. Деревянное убранство избы, воспринятое переселенцами из других местностей, традиционно сохранялось северно-русское.

У старожилов преобладала замкнутая усадьба, но местами встречалась двухрядная. Переселенцы строили дом и хозяйственные помещения на открытой огороженной усадьбе. Специфичными для Алтая следует считать слитные формы застройки, сформировавшиеся под влиянием местных условий. Сильные ветры и зимние бураны требовали усиленной защиты жилого помещения. Поэтому дом с трех сторон окружали хозяйственными постройками. К дому примыкал обширный двор под отдельной двухскатной крышей. В дальнем его конце пристраивались стойки для скота под отдельной односкатной крышей. Таким образом, своеобразие застройки определялось местными природными условиями, а ее разнообразие, наблюдавшееся в Алтайском округе, отмечалось сложностью этнического и этнографического состава населения (12. С. 103—109). Эти факторы сохраняются до настоящего времени.

Неоднородность этнического состава жителей степной зоны Западной Сибири особенно ярко проявлялась в таких элементах культуры, как одежда и пища. Исследователи находят в одежде старожилого населения элементы, бытовавшие в европейской части страны на широком пространстве северных губерний от Архангельской до Вятской и Пермской включительно (19. С. 124—130; 17. С. 128—134). Как и в более северных местностях Сибири женскую одежду старожилов составлял сарафанный комплекс. В южной части региона сохранялся более древний покрой, так называемый *глухой* сарафан, надевавшийся поверх туникообразной рубахи. Обычно носили сарафаны *косоклинные* или *прямые* (*московник*), к которым из той же ткани шили рубахи с *поликами* или на *кокетке*. Особой яркостью выделялся костюм старообрядцев, расселившихся на юге Алтайского округа. Включение бисера, перьев и пуха птиц, живых и искусственных цветов указывает на южно-русские традиции, имевшиеся у старообрядцев Алтая. Яркостью одежды, сравнительно с другими сибиряками Западной Сибири, выделялся у старообрядцев мужской костюм. На юге региона праздничные рубахи украшали вышивкой не только на груди, но и на спине. Шнурки из цветной шерсти и бисера на шее, цветы и перья на шляпах молодых парней, пестрые вязаные чулки дополняли красочность покупных тканей (атласа, бархата, тафты), из которых шили рубахи, штаны, шаровары.

В этой части региона Сибири русские восприняли некоторые элементы одежды коренных жителей. Новшеством явилось включение в верхнюю одежду широких штанов, чембар, которые носили не только мужчины, но и женщины, чего ранее в русской традиции не наблюдалось. Заимствованием, соответствовавшим местным экологическим условиям, объясняется обилие меховых изделий в верхней одежде (*доха*, *яга*, *тулупы*, *полушубки*), головных уборах (*ушанки* и *малахаи*), обуви (*меховые сапоги* и *меховые чулки*), рукавицы (*шубейки*, поверх которых надевали вязаные *верхонки*). Сложное сочетание традиций разных местностей выявлялось исследователями, в частности в головных уборах. Мужчины носили *валяные шапки* средней полосы России, теплые *шапки с 4-угольным верхом*, известные в западных областях, и казахские *малахаи*. Женщины юга Западной Сибири носили платки, свободно накинутыми на голову (как в древности), или свертывали шали в сложноперевитую чалму (как женщины Средней Азии). Повседневные головные уборы (волосник, самшура, кичка) имели разные крои, которым находятся

аналогии на пространствах от Архангельской до Рязанской и от Вологодской до Вятской губерний.

К этому разнообразию одежды старожилов конца XIX — начала XX в. добавились южнорусские, украинские и белорусские костюмы переселенцев. Возможно, именно многообразие вариантов вызвало отступление от традиционализма. В южном регионе Западной Сибири в начале XX в. стали быстро распространяться городские формы одежды. Традиционный костюм сохранялся в основном в отдаленных селениях старообрядцев.

Аналогичное переплетение традиций различных местностей наблюдалось в питании жителей юга Западной Сибири. Старожильческое население перенесло на Алтай из центра Западной Сибири северно-русские традиции. Горячие похлебки, каши, напитки готовили из муки и крупы, в основном из ржи и ячменя, однако успехи в культивировании пшеницы в конце XIX в. изменили соотношение мучных продуктов настолько, что праздничную выпечку и повседневный хлеб стали выпекать из пшеничной муки (19. С. 191—194).

На юге западносибирского региона преобладала мясная пища. По сравнению со средней частью региона на юге больше употребляли баранины, что можно считать влиянием соседнего тюркоязычного населения. Поступало на стол и мясо маралов. Свообразно было отношение к мясным продуктам у старообрядцев. Например, жители Бухтарминской долины считали, что быка и корову можно заколоть, когда потребуется мясо, так как они питаются травой, а всеядную свинью необходимо предварительно 40 дней откармливать дома, чтобы она очистилась (5. С. 158).

Специфика южной части Западной Сибири состояла в обильном употреблении в пищу местных трав, которые русские узнали от коренных жителей. Заготовка некоторых из них, например черемши, альпийских луков, сараны, стала промыслом в горной местности. Также и кедровые шишки, орехи, масло из горных долин сбывали на равнину, откуда получали хлебные припасы.

Отвар местных растений употребляли как чай (бадан, кипрей, шиповник и др.). Листовой чай с XVIII в. покупали и выменивали на границе с Китаем. В способах его заваривания сочетали русские традиции отваривания лечебных трав (парение в чугунах), китайские традиции обваривания кипятком в чайниках, алтайские или монгольские способы готовки чая с мукой, обжаренной в масле.

Обилие продуктов на юге Западной Сибири открывало простор для совершенствования кулинарии, особенно праздничной. На столах соседствовали северно-русские *шаньги*, южнорусские *хворосты* и такие городские изделия, как *вафли*. Однако в повседневных трапезах представители разных миграционных потоков устойчиво сохраняли традиции родных мест. Даже в XX в. в одних семьях готовили, например, северные *толстые щи*, в других *щи* из капусты, или южнорусские и украинские *борщи*. В целом для бытовой культуры русского населения юга Западной Сибири можно считать характерным синкретизм славянских традиций, пополненных заимствованиями у коренного тюркоязычного населения.

Восточная Сибирь заселялась русскими относительно медленнее, чем Западная. Освоенной территории, количества населения и населенных пунктов было, соответственно, меньше. К началу XVIII в. дворохозяйств, созданных русскими в Западной Сибири, было в три с лишним раза больше, чем в Восточной Сибири (соответственно 18 882 и 3 465 дворов) (9. С. 61—69). Населенные пункты располагались по берегам рек, которые служили транспортными магистралями при продвижении на восток и для внутрирегионального сообщения. В Восточной Сибири при большой разреженности населе-

ния тем не менее возникало немало соседских и смешанных в этническом отношении поселений. Например, в Минусинском округе Енисейской губернии, разделенном Енисеем, русские крестьяне сосредоточивались в восточной части, на землях, удобных для земледелия, а на западной стороне они поселялись лишь в отдельных местах. Там преобладало нерусское население. При проведении сухопутных трактов создавались населенные пункты со смешанным населением.

Енисейско-Ангарско-Верхо-Ленский район — основной район первоначального земледельческого освоения Восточной Сибири. Расположен большей частью в таежной зоне рискованного земледелия с преимущественно лесово-подзолистыми почвами. Население преобладало старожильческое. В соответствии с природными условиями и традициями русских в этом регионе развивалось комплексное полеводческо-животноводческое хозяйство того же направления, что и в таежной зоне Западной Сибири. Как и там, для отвоевания пашен у леса служили топор и огонь. В Енисейской губернии земледельцы создавали так называемые *гары*, выжигая иногда сотни десятин тайги. В южной части крестьяне осваивали горные местности, где благоприятные для земледелия условия находили на слабохолмистых котловинах. Наилучшие черноземные почвы залегали в обширной Минусинской котловине. Основной зерновой культурой, как и в других местностях Восточной Сибири, была яровая рожь. Однако урожайность зерновых не достигала уровня западного региона. С середины XIX в. в Сибири начали активно внедрять посевы картофеля. Культура эта у старожилого населения прививалась с трудом. Картину изменило появление южнорусских переселенцев. В Восточной Сибири к концу XIX в. картофель занял значительные площади, а урожайность его в Енисейской и Иркутской губерниях в два раза превышала урожай в Западной Сибири.

В зоне рискованного земледелия Восточной Сибири особую роль приобрело животноводство. Количество скота на душу населения намного превосходило губернии европейской части страны. На просторах Восточной Сибири скота имели помногу, но содержание его было примитивным.

Сравнительно небольшие деревни были окружены на ближних угодьях полями, на дальних — отгонными пастбищами (7). Экстенсивное развитие животноводства требовало больших помещений для скота. В регионе сложилась наиболее сложная застройка усадьбы. Как и в Западной Сибири, усадьба разделялась на чистый и скотный дворы, но в таежной зоне Восточной Сибири появились усложненные варианты дворов. Так, в приангарских селениях делали два замкнутых двора, которые располагали по обе стороны жилого дома, а в селениях, лежащих вдоль Илима, один позади другого. Развитием этого варианта являлась усадьба с тремя дворами: чистые дворы были расположены рядом с домом, а скотный двор за ними. Наиболее сложен был план так называемых четырехрядных усадеб: в одну линию с домом вытягивались постройки двух чистых дворов и скотного двора, от улицы в глубину усадьбы тянулись коньки четырех рядов срубных построек. Чистую часть усадьбы нередко мостили досками. Сюда выходило крыльцо дома, стоявшего торцом к улице. Выходы из дома вели на чистый и скотный дворы. В скотных дворах ставили отдельные срубные стойки для каждого вида животных. Дворы были и крытые, и открытые. (27. С. 106—109).

Хозяйственные постройки этого района (так же как и дома) возводили в виде крупных срубных сооружений. Амбары могли стоять в единой связке, строили их в один или два этажа. В нижнем этаже хранили продукты, верхние служили складскими помещениями для членов семьи и летними спальнями.

Наиболее распространенным типом жилья являлась изба с обширными сенями, к ней пристраивали прирубы, горницы или соединяли две избы.

В конце XIX в. площадь больших по размеру изб стали разделять легкими перегородками на две или несколько комнат. Дома строили из сосны и лиственницы. Срубы ставили на подклети в пять — шесть венцов под высокой двухскатной крышей. Помимо основного в селениях земледельческой зоны строили временное жилье на отдаленных угодьях. В Восточной Сибири на заимках ставили срубные избы традиционного плана (как в Западной Сибири), но небольших размеров, и кроме них еще — срубные юрты (как у бурят), или шалаши и балаганы, покрытые корой. Они обогревались, как у коренных жителей, при помощи открытого очага. Таким образом, в отличие от Западной Сибири, в хозяйственных постройках Восточной Сибири заметно влияние культуры местного коренного населения.

Одежда женщин в этом регионе была северно-русского типа, т. е. сарафан и рубаха. К XIX в. получили распространение более поздние и сложные формы покроя. Рубаху шили на кокетке, верх ее делали из покупного материала, а ниже пояса пришивали холщовую ткань. Сарафаны были двух вариантов: с лифом на лямках, выкроенным по фигуре (*с выкройной талией*). От Енисея до Лены и Байкала поверх этой одежды женщины надевали короткую *телогрею* со сборками сзади, сходную по покрою с северно-русской *коротенькой*. В зимнее время для тепла поддевали нижнюю юбку, суконную или простеганную ватой (*ватницу*). Женщины Причумья носили узкие шаровары до шиколотки, что можно рассматривать как влияние местной эвенкийской традиции (22. С. 152—156).

Особенностью верхней одежды русских этого района было сохранение в ней различных покровов с клиньями (*азям, шабур, доха, шуба*), употребление на изготовление изделий и на их отделку меха как домашних (особенно меха собаки), так и диких животных (27. С. 142). Специфична для местного костюма была верхняя теплая суконная одежда (*бешимет*), подбитая куделью, овечьей или верблюжьей шерстью, которая имела своеобразный покрой и считалась заимствованной от татар. Также от соседнего нерусского населения местные охотники заимствовали меховой нагрудник и эвенкийский кафтан (22. С. 173).

Питание жителей было аналогично употреблявшемуся в соответствующем регионе Западной Сибири, т. е. сохранялись северно-русские традиции (крупяные щи, выпечные изделия, напитки и т. п.). В конце XIX в. в связи с изменением состава населения появились южнорусские и украинские блюда (изделия из тыквы, перца, приготовление *борщей, галушек, пампушек и пр.*). Региональная специфика создавалась за счет включения в рацион некоторых заготовок и блюд коренных жителей: сушение мяса, употребление мяса и рыбы в мороженом виде, заваривание чая как черного, так и зеленого. В Восточной Сибири чай варили в котлах, зеленый чай приправляли мукой. От местных жителей восприняли и приправы, добавлявшиеся в чай: *хурча* и *затуран* — смесь муки с салом. Эти местные варианты заварки готовили в основном на полевых работах.

Забайкалье — лесостепной район с холмистым рельефом древних средневысоких гор, разделенных широкими долинами, с сопками, покрытыми лесом. Регион отличается большой пестротой почвенного покрова с преобладанием в лесной части подзолистых, а в степной — черноземных почв. Население преобладало старожильческое, представленное первоначальными казаками (с XVII в.) и крестьянами (с XVIII в.). Замкнутостью быта отличались старообрядцы *семейские*. Эта весьма многочисленная группа была переселена в 1760-х годах от юго-западного пограничья России (Гомельская, Могилевская обл.) (6). Семейские, жившие в больших, компактно расположенных селениях, до настоящего времени сохранили традиции народной культуры, в которых сочетаются северно- и южнорусские элементы и свое-

образные черты, появившиеся в Сибири (4). Находясь в центре Азиатского континента, Забайкалье имело климат, отличающийся резким колебанием температур, что плохо сказывалось на культурных растениях. Осваивая горные местности, русские крестьяне стали располагать посевы на разных уровнях: в долине и в отрогах, чтобы застраховаться от капризов природы. На засушливых участках делали проточные каналы, что не свойственно русской традиции. Крестьяне пользовались и так называемыми «баргутскими канавами» — оросительной системой, оставленной древним населением.

Старообрядцы повсюду в Сибири выделялись большим трудолюбием. Также и в Забайкалье после переселения наладилось продуктивное комплексное полеводческо-животноводческое хозяйство. Особенностью климата этой местности являлись малоснежные зимы, что осложняло выращивание озимых культур. Важнейшей из злаковых стала яровая рожь. Во второй половине XIX в. зерновое производство в этой местности достигло наиболее высокого уровня и приобрело товарный характер.

Скотоводство играло заметную роль в хозяйстве казаков, менее — у крестьян. В отличие от соседних местностей получило преобладание мясное направление. В Верхнеудинском округе в XIX в. начали приручать маралов. Как и на Алтае, мараловодство стало доходной отраслью хозяйства. Усадьбы жителей Забайкалья были меньше по размерам и более компактно застроены, они разделялись на чистый и скотный дворы. Дома в одних селениях стояли у передней грани усадьбы, в других — в глубине двора. Во второй половине XIX в. появилась мода на *крашеные* дома, в которых стены комнат расписывали масляными красками. Искусством свободной кистевой росписи овладели многие женщины, которые сами орнаментировали стены, двери, наличники, всю мебель и утварь. Роспись сохранилась и в начале XX в., в некоторых местностях она бытует по сей день. Снаружи дома окрашивают масляной краской одного цвета. Роспись и окраска придают селениям старообрядцев чрезвычайно своеобразный и живописный вид (8. С. 80—88).

Еще более колоритна одежда русских Забайкалья. Исследователи относят ее к северно-русскому типу, с включением южнорусских элементов. В селениях семейских женщины и сейчас носят длинные сарафаны, рубахи с прямыми поликами и фартук. Волосы плотно укрывает сложный декоративный головной убор из нескольких частей, собственно волосы закрывает мягкая шапочка, у которой спереди плотный выступ в виде копыта. На эту основу надевают нарядный вышитый кокошник. Поверх него повязывают шаль, сложенную лентой. Кисти шали свисают бахромой над ушами и спиной.

Семейских Забайкалья связывают общие исторические условия переселения в Сибирь с *полями* Алтая. В культуре этих двух групп сибиряков немало сходных черт, наиболее ярко проявляющихся в разнообразии и красочности одежды. В ней сохранились древнейшие формы и способы ношения: платок внакидку, верхнее платье внакидку, сарафанный комплекс, сложный головной убор, сходный с вологодско-вятским, украшения из птичьих перьев, обилие нагрудных украшений, яркость тканей, а также покрой мужских штанов украинско-белорусского типа (13. С. 67).

В питании старообрядцы проявляли большую консервативность. Например, они долгое время не воспринимали картофель, называя его «чертовым яблоком». До начала XX в. не признавали чая и самовара. В будни пили традиционные травяные отвары и квас, в праздники варили пиво. Пить водку и курить табак староверы считали большим грехом. Традиционная культура семейских, сформировавшаяся в условиях Сибири, в основных чертах устойчиво сохраняется. Забайкалье — подлинный оазис традиционности, вошедший в наш современный быт.

Амурско-Приморский район — это зона, пригодная для земледелия в Сибири, она уменьшается клинообразно в направлении с запада на восток. На дальневосточной окраине России природные условия позволили создать два земледельческих оазиса: в Приамурье и Приморье. Их освоение началось русскими со второй половины XIX в. Полеводством занимались казаки, а несколько позже крестьяне. Первые новоселы были переведены из Забайкалья и из Томской губернии, затем крестьяне прибывали из Сибири, из губерний европейской части России, Украины.

Ландшафт дальневосточной окраины в основном гористый, как и в Забайкалье, но постепенно понижающийся к Тихому океану. Все Приамурье представляет собой ряд котловин, разделенных хребтами. Для земледелия природой была отведена обширная равнина между реками Зеей и Буреей, а также широкая полоса вдоль берегов Амура, а в Приморье — низменности при реках, озерах, бухтах. Местность в целом лесистая, но низменности остепненные. Климат мягче, чем во внутренних районах континента, отличается повышенной влажностью, увеличивающейся к океану. Множество горных рек с быстрым течением нередко смывало почву с горных склонов, а по весне затопляло берега. Все это создавало трудности для полеводства, дополнявшиеся и неравномерностью выпадения осадков, которая вызывала то излишнюю сухость, то избыток влаги.

Наиболее благоприятными природными условиями выделяется Зейско-Бурейская равнина в Амурской и Приханкайская низменность в Приморской областях, почвы которых богаты гумусом. Однако и в этих местностях структура почв имеет тяжелый механический состав, они представляют собой переход от бурых лесных к подзолистым. Эти обстоятельства обуславливали рискованность земледелия. Амур с притоками и соседство океана, богатого рыбой, способствовали развитию рыболовства.

Хотя населенные пункты русских начали появляться на Амуре еще в XVII в. (1. Гл. 1), Приамурье и Приморье являются районами позднего заселения. Постоянные селения (вторая половина XIX в.) имели прибрежное расположение и сосредоточены в основном в Зейско-Бурейской равнине.

Условия землепользования на Дальнем Востоке сложились иные, чем в других местностях Сибири. Распределение земель проходило под контролем администрации, но обилие надельных угодий создавало тем не менее возможности для захвата участков и создания заимок (2. С. 53). Хозяйство крестьян было более перспективным, они охотнее разрабатывали землю, чем казаки (11. С. 55). Благодаря их деятельности полеводство в дальневосточном крае неуклонно развивалось.

На Дальнем Востоке русские вышли в местности, где уже до них было развито земледелие со своеобразной культурой, резко отличавшейся своими традициями. Китайцы, корейцы и маньчжуры иным способом обрабатывали землю и выращивали иные растения. Русские крестьяне полагались на свои традиции, но обращались также к помощи местного населения. В лесистой местности выкорчевывали деревья, расчищая угодья. Для этого на Дальнем Востоке привлекали корейцев, которым давали участок в аренду на 2—3 года. Крупный лес вывозили, а мелколесье и сучья сжигали, после этого корейцы обрабатывали земли вручную. В связи с высокой влажностью за год до засеивания участка его вспахивали, чтобы земля просыхала. Если намечался посев пшеницы, то первую вспашку производили за год до посева и повторяли накануне сева еще раз.

Культура пшеницы была завезена на Дальний Восток из Забайкалья и России, но к русским добавляли маньчжурские сорта. В Приморье местный сорт пшеницы постепенно вытеснял российские. Использовались также более устойчивые китайские сорта. В большинстве хлебных культур на

полях региона царила разнорослица: овес был русский и забайкальский, просо — русское, греча — русская и забайкальская. Чисто местные растения — гаолян, соевые бобы, буда — встречались как исключение. Русские же сорта не всегда выдерживали местные условия. В Приморье появился «пьяный хлеб», который вызывал как бы состояние опьянения. Это происходило вследствие заражения колосьев грибом в условиях повышенной влажности. Чтобы избежать этого, русские, как и местные крестьяне, стали высевать хлеба рядами — *грядами*, тогда растения хорошо продувались ветром (11. С. 40—49).

Особые климатические условия дальневосточного региона затрудняли скотоводство, традиционно сопутствующее полеводству. Разводили преимущественно крупный скот, влажность климата плохо переносили овцы и особенно козы. Большим количеством скота владела зажиточная верхушка амурского и уссурийского казачества; в их хозяйствах насчитывался не один десяток лошадей и крупного рогатого скота (15. С. 103—104). Более благоприятны для содержания скота были долины рек, впадающих в Японское море, где развивалось молочное направление. В среднем же и здесь крестьяне держали по 3—5 коров, что для Сибири немного (3. С. 107).

Сельское хозяйство на Дальнем Востоке было развито слабее, чем в Восточной, а тем более в Западной Сибири и местами уступало первенство рыбному и лесному промыслам. Это отразилось в обустроенности русских поселений. Усадьбы были замкнутыми, но не всегда разделялись на чистый и скотный дворы. Набор построек на усадьбе соответствовал как северно-, так южнорусским традициям: амбар и стайки, летняя кухня и сарай. В селениях, где жители занимались промысловым ловом рыбы, часть хозяйственных построек, предназначенных для приема уловов, была вынесена к *бережью* — *рыбники, ледники, бондарни и копильни*. Это были небольшие однокамерные строения, в которых размещали необходимый хозяйственный инвентарь и проводили обработку продукции.

Принудительный характер размещения первых переселенцев-казаков отразился на устройстве их домов. Сооружались землянки, делались постройки из хвороста, обмазанного глиной, и каркасные дома из частокола. Лес, если имелся, использовали местный (осину), или сплавляли из Забайкалья бревна хвойных пород. В некоторых селениях под фундамент брали листовену (7. С. 28—32).

К началу XX в. временные жилища заменили просторными добротными домами. В некоторых селениях по берегу Амура, основанных казаками, к дому пристраивали террасы и галереи. В этом можно усмотреть сходство с домами кубанского казачества. Но в Приамурье размеры построек были меньше (16. № 2).

Срубы возводили на невысокой подклети; двухскатные крыши покрывали тесом, а беднейшая часть населения — пластами березовой коры. Бересту подкладывали под нижний венец сруба, оконные рамы, настилали на слепи перед покрытием крыш тесом. Если строевого леса было мало, в Западной и Восточной Сибири в качестве кровельного материала иногда применялась береста. Так как на Дальний Восток прибывало и старожильческое население из Сибири, и переселенцы из разных местностей России, внутренняя планировка жилищ была представлена северным, западным и южным планами (3. С. 145—155; 10. С. 53—62). В домах старообрядцев встречались расписные печи, как у представителей этого вероисповедания на юге Восточной и Западной Сибири.

Некоторое своеобразие культуре русского населения региона придавал резной декор построек. Поскольку для строительства привлекали местное коренное население, на наличниках русских домов появлялись восточные мотивы, например знак *янь-инь*.

В одежде жителей Дальнего Востока, как и в других элементах культуры, сосуществовали и весьма ярко проявлялись разнородные этнические традиции, что соответствовало сложному этнографическому составу местного русского населения. Например, для женского костюма старожилов был характерен сарафанный комплекс, но покрой сарафана у выходцев с Урала был *косоклинный*, у пришедших из центральной части региона — *прямой*, у старообрядцев, переселившихся из Южного Забайкалья и Алтая, *лямошный*. Головные уборы женщины в прошлом, по-видимому, носили северно-русского типа, но они быстро вышли из употребления.

Больше интереса для этнографической характеристики представляет одежда верхняя и промысловая, так как именно в ней проявлялось региональное и местное своеобразие. Сибиряки обильно включали в верхнее платье меховые изделия. Шубу и доху носили повсюду от Западной Сибири до Дальнего Востока. В некоторых предметах утепления дальневосточных жителей этнограф Ю.В. Аргудяева усмотрела аналогии с югом Западной Сибири. На Дальнем Востоке в зимнее время (так же как на Алтае) надевали по двое рукавиц (вязаные и меховые), иногда — меховые чулки, а охотники — еще особые чехлы на обувь из конского волоса, отбивавшие запах человека. Промысловую одежду дополняли заимствования из традиционного костюма коренного населения. Так, в Южно-Уссурийском крае русские восприняли от удэгейцев охотничью одежду из шкур лося, выделанных под замшу (брюки, рубаха, рукавицы, обувь); обувь из рыбьей кожи (*кеты*) и навыки сшивания одежды сухожилиями (3. С. 157—167).

В питании русского населения Дальнего Востока при традиционной основе, заключавшейся в преимущественном использовании зерновых и мясных продуктов, в некоторых деталях была видна местная специфика — своеобразное приготовление блюд. Например, местные хозяйки варили северно-русские *толстые щи*, средне-русские *щи с капустой* и местные *щи с двойным мясом* (свинина и говядина или дичина). Оригинальным было добавление в толстые щи творога; ели их, в таком варианте, холодными.

В рацион включали богатства фауны и флоры. Например, повсюду в земледельческой зоне запасали в большом количестве черемшу и обычно ее засаливали в бочках. Хозяйки прикапывали зеленые растения в погребе, сохраняя тем самым их в свежем виде. Специфичным являлось приготовление чая из едких трав без добавления чая листового. Как и на юге Западной Сибири, варили пиво (брагу) *травянуху* и ее местную разновидность *сороковицу* (из большого числа трав). Из дикого винограда настаивали бражку и вино. Особое значение для местных жителей имели красная рыба многих разновидностей, которую варили, тушили, жарили, солили. Интересно отметить, что икру лососевых научились засаливать не сразу. Первоначально ее запекали или жаривали на сковороде, как икру речных рыб в европейской части страны.

В таежных лесах промысел дикого зверя давал столу горожан и сельчан мясо изюбрей, коз, кабанов и пр. Его употребляли в свежем виде, отваривали и тушили (3. С. 167—176). Впрямь запасали сало диких животных, которое использовали отчасти в качестве лечебного средства.

ЗОНА, НЕБЛАГОПРИЯТНАЯ ДЛЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Амурско-Приморским районом заканчивается зона русского расселения в благоприятных для земледелия условиях. В северной части сибирского региона суровая природа Приполярья требовала колоссальных усилий в борьбе за выживание. На всем протяжении этой части Азиатского континента русское население до XX в. оставалось малочисленным и рассредоточенным. Не имея возможности обеспечить жизненные потребности за счет традици-

онного хозяйства, русские люди частично отступали от достижений народной культуры основной этнической территории. Сохранение традиционализма поддерживалось в значительной мере за счет связей с районами, благоприятными для воссоздания привычных норм быта, а также за счет расширения вариативности отдельных параметров народной культуры и за счет привлечения и адаптирования бытового опыта коренных народов Севера. В этнографическом отношении быт русских севера Сибири изучен крайне слабо. Тем не менее в зоне, неблагоприятной для земледелия, этнографические материалы позволяют выделить несколько районов.

Приобский промысловый район. Русские ознакомились с северными районами Сибири в XV—XVI вв., где они вели торгово-промысловую деятельность в нижнем течении Оби. Особенно привлекала промышленников охота на соболя. Однако к середине XVII в. добыча пушного зверя сильно сократилась. Часть русского населения ушла к югу, часть осела на постоянное жительство в низовьях рек. Климатические условия северной части Западной Сибири сложны для земледелия. Заболоченность и глубокое промерзание земли, короткий период вегетации, сильные морозы — поэтому на север Сибири приходили преимущественно служилые люди, торговцы, промысловики (23. С. 35—48).

Русское население концентрировалось в городах, отселение в уезды в XVIII и даже в XIX в. шло медленно. Хозяйственная деятельность сосредоточивалась вблизи городов. Здесь русские владели (или арендовали у местных жителей) звероловными участками, птичьими перевесами, рыболовными песками. При охоте на зверей, которая велась весь год, использовали традиционные ловушки (*пасти, слопцы, черканы* и пр.), ружья, а также луки со стрелами. Птиц весной добывали *перевесами, понежами, кысканами*, а в конце лета стреляли или «давили» гусей и уток собаками (23. С. 53).

Места лова рыбы назывались *песок* (отлогий берег реки, очищенный от камней и подводных растений) и *сар* (мель по-остяцки) — чистое место в протоках рек или заводях. На песках тянули неводы. Сар не так обильно давал рыбу, и ловля велась более всего *язями, важинами, мордами, переметами*. Орудия и способы добычи использовались как русские традиционные, так и заимствованные от коренного населения (ТФГАТО. Ф. 402. Оп. 3. Д. 73. Л. 56—59).

В рационе сибиряков северной части региона преобладала рыба, которую дополняло мясо оленей. По мере развития полеводства наладился внутрорегиональный товарообмен рыбы на зерно. Северяне сохраняли рыбу до морозов в живом виде в многочисленных мелких озерах, а затем замороженную увозили в лесостепные районы, возвращаясь оттуда с зерном. На столе северян рыба была в течение всего года в отварном, жареном, соленом, квашеном и вяленом видах.

Русские селения на сибирском севере были немногочисленны, разбросаны вдоль течения Оби и по ее притокам. Ограниченность строительного материала не позволяла делать больших построек, а суровость климата требовала усиленной защиты жилого помещения. Дома были невысокими с небольшими окнами и дверными проемами. Наружную завалинку засыпали почти до самых окон. Полы настилали двойные, засыпанные землей, на потолок также насыпали землю. Все это помогало сохранять тепло. Внутренняя планировка и убранство дома соответствовали северно-русскому типу.

За селениями (в Березовом округе) располагались усадьбы. В XIX в. в них делали общий загон для скота или ставили хлевы. На усадьбе стояли 1—2 небольшие постройки (амбар, хлев, баня). В Тувинском округе к дому пристраивали хозяйственное помещение, так называемое *задворье*. В одном из углов

здворья ставили маленькую избенку, которая служила для хозяйственных надобностей или являлась дополнительным временным жильем.

Русские здесь были в основном выходцами из северо-восточных, преимущественно поморских уездов. Они носили одежду, типологически сходную с одеждой населения Европейского Севера. Однако суровые природные условия вызывали необходимость заимствования теплой одежды местного населения, которую шили из оленьего меха. Зимой мужчины и женщины прямо на тело надевали *малицу* с капюшоном и рукавицами. У зажиточных крестьян малицу заменяла *парка* из шкур оленьего молодняка. Поверх нагельной одежды надевали *сорочку* из плотной материи, чтобы предохранить мездру от снега и дождя. В дорогу или в большие морозы натягивали третью одежду (*гусь*) из более грубых шкур оленей или собак мехом наружу того же покроя, что и малица (16. С. 380).

Малочисленное и редко разбросанное русское население **Северного Поморья** занималось обслуживанием трактов и промыслами. Редкие поселения с небольшими усадьбами жались к устьям рек и тянулись цепочкой вдоль трактов.

Жилище также было довольно примитивно. В безлесной местности для строительства использовали плавник (остатки разбитых кораблей), а по южной окраине тундры — низкорослые деревья.

Наиболее ранней группой русского населения полярной зоны считаются так называемые русскоустынцы — потомки русских переселенцев XVI—XVII вв., обосновавшиеся в низовьях р. Индигирки и принесшие в Сибирь традиции полярной зоны европейской части страны. К началу XX в. насчитывалось около 30 селений, основным считалось Русское Устье, состоявшее всего из 9 домов (31. С. 80—81).

Русскоустынцы строили дома *рубленки*. Они имели плоские кровли из бревенчатого наката, засыпанного землей. На таких крышах устанавливали вешала для вяления юколы. Особенностью планировки было нетрадиционное соединение избы с другими хозяйственными помещениями. В большинстве случаев дом русскоустынцев состоял из избы, амбара-клетки и сеней. Для отопления сооружали *камелек* (*чувал*) из жердей, обмазанных глиной, в смеси с оленьей шерстью. Он всегда располагался налево от входа и был обращен топкой к *переднему* углу фасада дома, т. е. по северно-русскому типу. Сени, в соответствии с русскими традициями не отапливались. Но в условиях холодного климата к избе стали пристраивать отапливаемый амбар-клеть, через который входили в жилое помещение. В клетку ставили *собачьи стаи*, в которых ошенивались собаки. В сенях и амбаре хранили хозяйственный инвентарь. Такая планировка позволяла при плохой погоде не выходить из дома по нескольку дней. Снаружи постройки обмазывали раствором глины, смешанной со стриженной оленьей шерстью, к стенам приваливали земляные завалинки, в начале зимы на стены постройки, для ее утепления, намораживали снег, поливая его водою, а в окна вставляли льдины. Снаружи к четырем углам рубленки прикреплялись высокие мачты-карбасы с флюгерами *сорочками*. Они представляли собою деревянную раму, в которой крепилась доска с вырезанными изображениями креста или утки. Сверху на карбас насаживали деревянное изображение утки. Это сооружение служило не только флюгером. С его помощью передавали срочные сообщения.

Приспосабливаясь к условиям местности, русские в Колымско-Индигирском крае использовали различные приемы строительства, в том числе и местного населения. Так, *юртушка* строилась в каркасной технике с вертикальной набивкой. На рыболовных промыслах ставили временное жилище *урасу*. Это была коническая четырехугольная каркасная постройка, стены которой складывали из пластов дерна, оставляя открытой верхнюю часть.

В центре урасы, на деревянном опечке, засыпанном землей, разводили огонь. Дым выходил через открытый верх постройки.

Ассортимент продуктов питания русскоустыинцев был ограничен: рыба, мясо оленей и диких гусей. Зерновые продукты были привозными, они появлялись зимой и в небольших количествах. Овощей и молочных продуктов в Русском Устье не знали. Способы же приготовления рыбных продуктов были очень разнообразны (до 30 названий блюд), при этом, как и повсюду на Севере, предпочитали употреблять в пищу рыбу лежалую — *с душком*, зимой ели *строганину* (свежемороженая рыба, тонко порезанная). Основным источником витаминов являлись дикорастущие ягоды и грибы. Показательно, что ранние русские поселенцы Северного Поморья не знали и не умели изготавливать алкогольные напитки. Водка в этой местности появилась поздно и из-за дороговизны почти не употреблялась.

Ткани для одежды устыинцы не производили, не имея для этого сырья. Сукно, холст и ситец они покупали в сибирских городах, а на месте шили верхнюю одежду из оленьих и песцовых шкур. В XIX — начале XX в. носили платье городского покроя: женщины — юбку и кофту, мужчины — рубаху и брюки. Верхняя одежда была своеобразна, но в ее покрое и способах ношения отчетливо проявлялись те же типологические черты, что и в Северном Приобье: она была меховая и надевалась одна на другую.

Так, *дундук* шили из оленьих шкур мехом наружу по покрою рубахи. *Паровой дундук* представлял собой две меховые рубахи, одна шерстью внутрь, другая — наружу. Поверх дундука, выходя из помещения, натягивали *кухлянку* из оленьих шкур, которую шили с капюшоном. Мужчины дополнительно надевали меховые *шаровары*. Ноги утепляли меховыми чулками (*тяжи, чижки*) и надевали *щетки* — обувь из оленьего камуса. При сильных морозах на промыслах защищали лицо, надевая меховой *набородник*, а при слепящем весеннем солнце укрепляли *наглазники* — ремешки с полосками темного материала.

Северо-Восток района имел малочисленное и редко разбросанное русское население. Поселения создавались в XVII—XIX вв. как административные и опорные пункты, а также для обслуживания транспортных магистралей. Жилища возводили в соответствии с русскими традициями небольших размеров, как и повсюду в полярной зоне Сибири. Невысокие дома под плоской крышей из корья или сухой травы делали с маленькими оконными и дверными проемами, с высокими и широкими завалинками. Входную дверь обивали войлоком или шкурами. Постройки нередко углубляли, как бы вдавливали в землю, что помогало сохранять в них тепло. Для отопления сооружали печи и *камельки* (*чувалы*). Там, где имелись залежи глины, ставили посередине избы традиционные русские печи, а где глины было мало — чувалы при входе. Зачастую в избе могло находиться сразу два очага: печь и чувал. Так русские люди северной оконечности материка приспособивались к суровому климату.

Хозяйственные постройки были немногочисленны. Из них стайка для скота примыкала к дому, остальные располагались обособленно.

Местная специфика быта заметнее проявлялась в одежде. Дополнительно к традиционному платью немало теплых меховых изделий заимствовали от коренных жителей. В селениях по Лене и на Колыме русские восприняли от тунгусов, якутов, юкагиров тип глухой зимней одежды мехом внутрь — *парку* и верхнюю *камлею* из оленьих шкур. Меховая камлея надевалась поверх рубахи, сшитой из *ровдуги* или *китайки*. Голову закрывали высокой меховой шапкой, кроме того, имелись *налобник*, *набородник*, *наносник*, *наушник*, дополнявшие головной убор. В тундре пользовались сплошной глухой одеждой, в тайге — с разрезом спереди. В домашних условиях зимой поверх

холщовой или ровдужной рубахи женщины надевали распашную одежду мехом внутрь, окрашенную снаружи ольховой корой и опушенную по подолу мехом бобра или выдры. Ноги женщины утепляли вязаными чулками из собачьей или песцовой шерсти, мягкими меховыми чулками (*чижи*), поверх которых надевали кожаные короткие *чарки* (*коты*). Мужчины, занимавшиеся промыслами, носили заимствованную у эвенков и бурят верхнюю одежду с капюшоном — *камлейку*, сшитую из рыбьих или китовых кишок или из оленьей и лосиной кожи. На Камчатке охотники носили под *кафтаном* овчинные нарукавники (*накочетники*), защищая руки от снега. Чтобы снег не попадал за воротник, надевали наплечную накидку из сукна, пристегнутую ремнем под поясом, покрой которой был заимствован у коренного населения (16. С. 380—381. 12. С. 239—240).

В питании жителей Северо-Востока еще острее ощущались отступления от традиции, вызванные нехваткой хлеба и зерновых продуктов. Хотя жители северных окраин получали мучные, крупяные и овощные продукты из зоны основного расселения русских в Сибири, они, кроме того, пытались сами заниматься полеводством и овощеводством. Это помогало в некоторой мере поддерживать традиционный стиль питания, в котором главную роль играли рыба и мясо, в том числе оленей. В Анадырском округе вяленое мясо оленей ели сырым, а также мозг из головы, берцовых костей, голени (24. С. 43). Такая пища служила мощным источником пополнения энергии. Еда сырой свежемороженой рыбы или квашеной с малым количеством соли была усвоена русскими от местных жителей. Кроме соленой и квашеной применялась вяленая рыба (*юкола*, *юрок*), которая служила долговременным запасом. Из кита, выброшенного на берег, выбирали жир, язык и ласты. Мясо ели свежим, а жир заготавливали впрок. Необычным для русской кулинарии было отваривание в одном котле рыбы и мяса, заготовка рыбы с ягодами, ягод с жиром нерпы.

* * *

В настоящей статье мы выбрали для рассмотрения характерные черты хозяйственной деятельности и материального быта русского населения Сибири и Дальнего Востока, связанные со средой обитания более чем другие элементы культуры. Выявлена определенная географическая локализация некоторых особенностей быта. Они закладывались со времени поселения в новом регионе и в значительной мере были перенесены в XX в. Русское население сохраняло, закрепляло и приспособляло к местным условиям народные традиции, сложившиеся в европейской части страны. При этом сибиряки использовали весь арсенал народных знаний. Они развивали отдельные черты народного быта, наиболее благоприятные в конкретных условиях пространств Зауралья. Контактируя с местными народами, русские воспринимали некоторые традиции соседей, как это имело место и на основной этнической территории.

Проведенный опыт сравнительного анализа культуры русского народа на всем пространстве его расселения на Азиатском континенте показывает возможность и перспективность выявления локальных комплексов. Сравнительный анализ ярко высвечивает «белые пятна» в этнографическом изучении русских сибиряков, а именно: неравномерность географического охвата наблюдений и несоизмеримость в исследовании различных миграционных потоков. Тем не менее, несмотря на отсутствие многих данных, вполне отчетливо выявляется общая направленность процесса адаптации к новой экологической и этнической среде в каждой зоне и в отдельных районах. Выясняется, что в северной зоне расселения в русской культуре приобретения осуществлялись в основном ради борьбы за выживание в особо сложных при-

родных условиях, при этом заимствования от других народов шли в некоторой мере в ущерб собственной народной культуре. В южной зоне народные традиции развивались и пополнялись из культурного потенциала коренного населения ради более интенсивного и разностороннего использования ресурсов природы в конкретных экологических нишах.

Располагая относительно небольшим объемом информации и выбрав для рассмотрения только некоторые элементы культуры, мы представили зоны и районы лишь крупным планом. В дальнейшем возможны их уточнения, большее расчленение, детальное сопоставление. Думается, что такое направление исследований может занять существенное место в работах этнографов XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984.
2. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России: 50-е годы XIX — начало XX в. М., 1997.
3. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы на Дальнем Востоке России. М., 2000.
4. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: Опыт сравнительной характеристики. Барнаул, 2000.
5. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930.
6. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2: Забайкалье. Новосибирск, 1975.
7. Ермак Г.Г. Бытовые условия жизни семьи дальневосточного казачества // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997.
8. Ильина-Охрименко Г.И. Народное искусство семейских Забайкалья XIX—XX вв. Улан-Удэ, 1972.
9. Клочков М. Население России при Петре Великом по переписи того времени. СПб. 1911. Т. 1.
10. Кобко В.В. Традиционное жилище и хозяйственные постройки старообрядческого населения юга Дальнего Востока // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997.
11. Крюков Н. Очерки сельского хозяйства в Приморской области. СПб., 1893.
12. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII — начало XX века. М., 1996.
13. Маслова Г.С. Русская народная одежда Забайкалья (XIX—XX в.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2: Забайкалье. Новосибирск, 1975.
14. Русские. Сер. «Народы и культуры». М., 1997.
15. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. М., 1983.
16. Соболевская Н.А. Жилые и хозяйственные постройки в селах Приамурья начала XX в. // СЭ. М., 1986. № 2.
17. Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX—начало XX в.). Новосибирск, 1997.
18. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII—середина XIX в. М., 1981.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ЖМВД — журнал Министерства внутренних дел

СЭ — Советская этнография

РГИА — Российский государственный исторический архив

ТФГАТО — Тобольский филиал государственного архива Тюменской области

Summary. The author of the article Doctor of Historical Sciences, Chief Scientific worker of Moscow Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences Victoria Lipinskaya in her article «Historico-ecological Peculiarities of Traditional Culture of the Russian Population of Siberia and the Far East» draws out wide zones and regions basing on the analysis of some important elements of culture. The researcher supposes that in future there must be done more detailed description of these regions with different comparisons.